

М. И. АРТАМОНОВ

ТРУДЫ ТОВАРИЩА СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
И СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Значение гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания не ограничивается тем, что в них раскрыты порочные, антимарксистские взгляды Н. Я. Марра и его последователей на язык, его происхождение и развитие, и показаны корни этих взглядов, заключающиеся в немарксистских теоретических основах так называемого «нового учения о языке». Значение трудов И. В. Сталина, представляющих собою образец творческого развития марксизма-ленинизма, выходит далеко за рамки собственно языковедения. В этих трудах получили разрешение многие вопросы общетеоретического и конкретно-исторического характера. Они знаменуют собою новый этап в развитии всех наук и в особенности наук общественных. В своих трудах И. В. Сталин дал ответ на сложнейшие вопросы, выдвинутые теорией и практикой революционной борьбы и социалистического строительства.

Велико значение трудов И. В. Сталина и для археологии, которая в течение долгого времени развивалась под сильным влиянием псевдомарксистской теории Н. Я. Марра. Н. Я. Марр приложил немало усилий для «тесной увязки языка с материальной культурой», т. е. для того, чтобы направить археологию в сторону разработки и обоснования на своем материале выдвинутых им языковедческих положений. Вследствие недостаточного усвоения кадрами советских археологов марксистско-ленинской теории «учение» Н. Я. Марра приобрело в их среде значительное число последователей, чем в основном было определено направление, по крайней мере, теоретических исследований в области археологии.

Важнейшей задачей археологов в настоящее время является критический пересмотр результатов своей предшествующей работы в свете тех новых теоретических положений, которые внесены И. В. Сталиным в сокровищницу марксистско-ленинской науки. Пересмотру в первую очередь должны быть подвергнуты те заключения, которые были сделаны под прямым или косвенным воздействием так называемого «нового учения о языке» Н. Я. Марра и которые являются результатом приложения к археологическим данным этого порочного, псевдомарксистского учения. Сюда относятся получившие среди археологов широкое распространение представления об относительно позднем возникновении звукового языка и о длительном периоде якобы предшествовавшей ему так называемой «ручной», или «кинетической», речи. Сюда относятся перенесение в археологию идеалистического учения Н. Я. Марра о стадиях в развитии мышления и приложение к археологической периодизации пресловутых марровских «стадий» в развитии языка. Решительным образом должны быть пересмотрены заключения археологов относительно проис-

хождения народов и этнической истории вообще, поскольку вся область так называемого «этногенеза» в советской науке строилась на основе лже-научной теории Н. Я. Марра с ее скрещенными и трансформациями (взрывами) как основными явлениями языкового и этнического развития. В этой же связи следует пересмотреть и исправить ошибки, проистекающие из неправильного отождествления некоторыми археологами языка с культурой.

Кроме этих специфических ошибок, связанных с приложением к археологии псевдомарксистского учения Н. Я. Марра, археологи разделяли и другие, более распространенные заблуждения, проистекающие из неправильного понимания некоторых положений марксистско-ленинской теории, полную ясность в отношении которых внесли только труды И. В. Сталина по вопросам языкознания. Так, археологи, подобно представителям других наук, схематически различали только две категории явлений общественной жизни — явления базисного и явления надстроечного порядка, тогда как действительность оказывается значительно сложнее такой упрощенной схемы и включает в себя и такие явления, которые не относятся ни к базису, ни к надстройке. Археологи вместе с историками не понимали действительного значения надстройки в укреплении своего базиса и недооценивали степень ее активности в историческом развитии. Археологи, как и историки, не отдавали себе надлежащего отчета в сущности диалектического скачка и всюду искали «взрывов» и «революций», отвергая эволюционный путь развития. Археологи, как и историки, ошибались в понимании характера империй древности и средневековья, игнорировали устойчивость этнических образований (языков) и заблуждались по многим другим вопросам, получившим исчерпывающее освещение в последних трудах И. В. Сталина.

Остановимся на некоторых ошибках и заблуждениях археологов. Как уже указывалось, археологи, так же как многие этнографы и лингвисты, следуя за Н. Я. Марром и вопреки ясным указаниям основоположников марксизма, полагали, что возникновению звукового языка предшествовал длительный период кинетической, или ручной, речи, сопровождаемой «диффузными» выкриками, из которых и возникли полисемантические звуковые «элементы», лежащие в основе всего богатого словарного запаса человечества. Нелепость этого представления стала очевидной только после высказываний И. В. Сталина относительно сущности и возникновения языка, замечательных по глубине мысли и полноте учета данных современной науки.

И. В. Сталин учит:

«Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка» (стр. 22).¹ Поэтому нет и общества без языка. Отрывая возникновение звукового языка от возникновения общества, Н. Я. Марр и его последователи отрывали возникновение языка от возникновения сознания, мышления, игнорируя известное указание Маркса и Энгельса относительно неразрывной связи сознания и языка и достижения современной материалистической физиологии в области высшей нервной деятельности, получившие классическое выражение в трудах И. П. Павлова. Маркс и Энгельс писали: «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и *есть* практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действитель-

¹ Ссылки в скобках без указания источника относятся к труду И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (Госполитиздат, 1950).

ное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми».¹ И. П. Павлов показал, что специальное устройство головного мозга и особые нервные процессы, позволяющие осуществлять функцию речи и составляющие то, что он назвал «второй сигнальной или словесной системой», коренным образом отличают людей от животных.

И. В. Сталин развил дальше положения основоположников марксизма относительно связи языка с мышлением и со всей категоричностью указал на невозможность существования общества без языка.

Товарищ Сталин учит: «Звуковой язык в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить свое мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время» (стр. 46).

Таким образом, звуковая речь возникла еще в процессе становления человеческого общества в связи с развитием общественного труда. Основной функцией ее как теперь, так и с самого начала, было удовлетворение потребности в общении:

«Обмен мыслями является постоянной и жизненной необходимостью, так как без него невозможно наладить совместные действия людей в борьбе с силами природы, в борьбе за производство необходимых материальных благ, невозможно добиться успехов в производственной деятельности общества, — стало быть, невозможно само существование общественного производства» (стр. 22—23).

Маркс и Энгельс неоднократно указывали на неразрывную связь языка с мышлением. Товарищ Сталин не только подтверждает наличие такой связи, но указывает, что мышление не возможно без языка:

«Говорят, что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголенном виде. Но это совершенно не верно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (М а р к с). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка» (стр. 39).

Н. Я. Марр, как известно, полагал, что звуковая речь возникла относительно поздно, что ей предшествовал длительное время существовавший «язык жестов и мимики». Советские археологи, следуя за Марром, относили время появления звуковой речи к началу верхнего палеолита, связывая это с позникновением нового физического типа человека — *homo sapiens* (В. И. Равдоникас, П. П. Ефименко, П. И. Борисковский и др.). Только крайняя бедность и неразвитость этого языка, будто бы, вызвала появление изобразительного искусства, посредством которого люди верхнего палеолита восполняли несовершенство средств общения (С. Н. Замятнин).

Порочность такого представления о времени возникновения звуковой речи теперь должна быть ясна всем, так как « значение так называемого языка жестов ввиду его крайней бедности и ограниченности — ничтожно. Это, собственно, не язык, и даже не суррогат языка, могущий

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 20—21.

так или иначе заменить звуковой язык, а вспомогательное средство с крайне ограниченными средствами, которым пользуется иногда человек для подчеркивания тех или иных моментов в его речи. Язык жестов так же нельзя приравнивать к звуковому языку, как нельзя приравнивать первобытную деревянную мотыгу к современному гусеничному трактору с пятикорпусным плугом и рядовой тракторной сеялкой» (стр. 46—47).

Эти указания И. В. Сталина требуют от археологов совершенно нового подхода к решению ряда важнейших проблем истории первобытного общества, в частности проблемы первобытного искусства. Чрезмерная примитивизация первобытного человечества на ступени верхнего палеолита, свойственная некоторым археологам, в значительной мере объясняется искусственным снижением оценки уровня развития языка и мышления на этом этапе истории.

Отнесение появления звуковой речи к позднему времени находится в резком противоречии с марксистским учением о роли труда в становлении человеческого общества. Не случайно возникновение звукового языка рассматривается Н. Я. Марром не как выражение потребности в общении людей в процессе труда, а как проявление одного из элементов «магического» действия, в качестве средства воздействия на тотемов, т. е. богов, действия, хотя и призванного обеспечить успешность общественного труда, но оторванного от него в виде особого культового акта. И. В. Сталин метко охарактеризовал учение Н. Я. Марра о происхождении звукового языка «трудмагической тарбарщиной».

Идеалистические представления Н. Я. Марра об условиях возникновения и первоначальной роли звукового языка привели его к грубейшей вульгаризации и к извращению марксизма, заключающихся в признании классовости языка, причем в качестве класса первобытного общества, обладавшего звуковым языком в отличие от «глухонемых» членов общества, у него выступают маги, в руках которых звуковая речь якобы уже была орудием классовой борьбы. И. В. Сталин вскрыл порочную, антимарксистскую сущность учения Н. Я. Марра о классовости языка.

«Не трудно понять, — пишет И. В. Сталин, — что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка, — язык был там общий, единый для всего коллектива. Возражение о том, что под классом надо понимать всякий человеческий коллектив, в том числе и первобытно-общинный коллектив, представляет не возражение, а игру слов, которая не заслуживает опровержения» (стр. 12).

Немарксистское, идеалистическое учение Н. Я. Марра о позднем появлении звукового языка и о первичности «кинетической» речи теснейшим образом связано с его несостоятельным учением о развитии человеческого мышления. В истории мышления Н. Я. Марр различал три стадии: стадию тотемическую, космическую и технологическую. Первая из них, соответствующая кинетической речи, характеризуется так называемым «дологическим» мышлением, когда отвлеченных понятий еще не существовало, когда люди даже собственно не мыслили, а воспринимали явления окружающего мира в виде мифологических образов как проявлений производительных сил природы. Понимание действительных связей явлений оставалось чуждым людям, и они воспринимали мир в нереальном, фантастическом отражении. Такое представление о «дологической» стадии мышления не имеет ничего общего с марксизмом, так как отрывает мышление, сознание от действительности. Ф. Энгельс писал о развитии мышления: «... возникало сознание — сперва условий

отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого понимание законов природы, обуславливающих эти полезные результаты».¹

В. И. Ленин, правда, допускал возможность отлета сознания от жизни и незаметного, несознаваемого превращения абстрактного понятия в фантазию,² но эта возможность никогда не была правилом, нормой. Наоборот, люди только потому и могли успешно бороться с природой, что они в своем сознании правильно отображали окружающий их мир, что их слова, в которых мы имеем первые обобщения впечатлений, полученных от внешнего мира, отражали этот мир не в извращенном, фантастическом виде, а в полном соответствии с действительностью. Мышление древнего человечества в той мере, в какой оно отражало его трудовой опыт, было столь же логичным, как и мышление современного человека, что, конечно, не исключало засорения сознания и такими извращенными, фантастическими представлениями, которые вытекали, прежде всего, из стремления опередить истинное знание и связать явления в их отношениях.

Следующая стадия развития мышления, по Н. Я. Марру, — космическая. В тесной связи с этой стадией мышления находится «учение» Н. Я. Марра о четырех лингвистических элементах, к которым, будто бы, восходят все слова человеческих языков. Некоторые археологи, поддавшись влиянию «учения» Н. Я. Марра о стадильном развитии мышления, некритически принимали положения Н. Я. Марра о том, что история мышления расчленяется на два совершенно различных этапа — конкретно-образного и формально-логического мышления, и соответственно пытались интерпретировать материал (А. П. Окладников). Некоторые археологи увлеклись раскрытием специально космического мировоззрения первобытного человека, якобы получившего вполне определенное выражение в искусстве первобытного общества, и, перенося результаты и приемы семантического анализа, основанного на четырех лингвистических элементах, на исследование памятников материальной культуры, бесплодно затратили немало времени и труда на составление так называемых «семантических пучков» (Б. Б. Пиотровский).

Особенно вредное влияние на развитие советской археологии оказало перенесение в эту науку марровского «учения» о стадильности в развитии языка. Н. Я. Марр полагал, что развитие языка в мировом масштабе якобы подчинялось некоторым общим закономерностям и что различные типы языков соответствуют различным этапам в развитии социально-экономических отношений. Это «учение» о единстве языкотворческого процесса с его стадильными взрывами основано на неверном понимании законов развития общества, на смешении совершенно различных общественных явлений. Н. Я. Марр и его последователи не поняли специфических особенностей языка как общественного явления, не относящегося ни к категории базиса, ни к категории надстройки. Они отождествили поэтому развитие языка с развитием идеологической надстройки.

И. В. Сталин показал, что язык не относится ни к базису, ни к надстройке, что он одинаково обслуживает и базис и надстройку, а равным образом и все другие общественные явления и развивается по своим собственным законам. На каждом этапе своего развития язык является продуктом не данной эпохи, а всех предшествующих эпох. Язык, следовательно, является одним из главнейших факторов, обуславливающих

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр. 14.

² В. И. Ленин. Философские тетради. 1947, стр. 308.

единство общества в его историческом развитии. Язык, как и общество, не возникает в каждую эпоху заново, а развивается в течение ряда эпох.

В трудах И. В. Сталина по языкознанию проведено тонкое разграничение между производством, экономическим строем общества — базисом — и надстройкой. Как известно, наиболее подвижным элементом производства являются производительные силы. В зависимости и в соответствии с развитием производительных сил изменяются производственные отношения людей, их экономические отношения, т. е. изменяется экономический строй общества, его базис. Смена базисов и соответствующих им надстроек происходит путем скачков, взрывов, посредством революционных преобразований. Между тем, в отличие от базисов и надстроек в развитии языка нет перерывов постепенности, нет взрывов, нет внезапного уничтожения одного языка и появления на его месте другого. Изменения языка состоят в непрерывных отражениях изменений, происходящих в производственной и во всякой иной деятельности человека. «Но такие изменения, — говорит И. В. Сталин, — ни в какой мере не решают судьбу языка» (стр. 28). Его структура, грамматический строй и основной словарный фонд в продолжение веков остаются без существенных изменений.

Таким образом, «учение» Н. Я. Марра о стадильности в развитии языка не соответствовало действительной истории языка и основывалось на неверном, немарксистском понимании производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки. Оно оторвало историю языка от конкретной истории общества и исходило из неверного отождествления языка с надстройкой.

Ясно, что приложение вульгаризаторского, порочного учения к исследованию истории общества не могло не привести к серьезным ошибкам. В археологии приложение этого учения выразилось в совершенно нелепом утверждении, будто смена этнического состава населения данной территории в разные эпохи представляет собой не что иное, как проявление закона стадильности в развитии языка. В результате некоторые археологи договорились до таких понятий, как «скифизация», «сарматизация», «готизация» или «славянизация», понимая под ними самопроизвольное возникновение скифов, сарматов, готов или славян в результате социально-экономического развития. Так, по В. И. Равдоникасу, получалось, что скифизация соответствует становлению патриархального строя, сарматизация — разложению рода, а готизация — феодализации местного автохтонного населения северного Причерноморья. Скифский, сарматский и готский языки оказываются при этом отражением внутреннего социально-экономического развития этого населения.

Не менее ошибочным было представление о возникновении индоевропейцев в результате серьезных изменений в хозяйстве, образе жизни и общественных отношениях неиндоевропейского, «яфетического» населения Европы (М. И. Артамонов, А. Д. Удадьцов) или о возникновении славян на основе различных в этническом отношении исходных племен вследствие развития у них одинакового хозяйства и однородных социально-экономических отношений (П. Н. Третьяков).

Опираясь на сходство некоторых элементов культуры на обширных, иной раз отдаленных одна от другой территориях, археологи топили историческую конкретность в понятии стадильности, приписывая своим стадиям те же свойства, какие усматривал в языковых стадиях Н. Я. Марр. В результате появилась «киммерская», «скифская», «готская», «тюркская» и другие стадии там, где ни киммерийцев, ни скифов, ни тюрок никогда не было. Подменяя понятие того или иного этапа социально-экономического развития понятием стадии, археологи в большей или

меньшей степени смазывали своеобразие исторического развития различных обществ и подменяли изучение конкретной истории абстрактным социологизированием (В. И. Равдоникас, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, Б. Б. Пиотровский, С. В. Киселев и др.).

В этой же связи находится и предубеждение многих археологов в отношении к миграциям. Рассматривая изменения культур как выражение закономерностей стадияльного развития, они крайне враждебно относились к самой возможности миграций и старались во всех случаях объяснить сходство культур не общностью происхождения, а единством стадияльного развития (И. И. Мещанинов). Не может быть сомнения в том, что одинаковые причины вызывают одинаковые следствия и что сходные явления могут появиться и действительно появляются независимо друг от друга в разных местах. Но это вовсе не значит, что во всех случаях сходства мы имеем дело только с независимым и самостоятельным возникновением одинаковых культурных явлений. Нередко такое сходство является результатом той или иной формы перенесения данного явления из одного места в другое, а когда мы встречаемся со сходством не отдельных культурных явлений, а целых культур, и не со сходством вообще, а со сходством в деталях, в мелких подробностях, общность их происхождения не может вызвать сомнения. Не может вызвать сомнения и распространение таких культур в порядке расселения их носителей. Теория миграций в ее буржуазной редакции, сводящая все развитие культуры к переселениям и влияниям, не имеет ничего общего с признанием крупной роли передвижений народов в конкретной истории, и советская археология должна в ближайшее время восполнить те серьезные упущения, которые она допустила в области изучения народных передвижений, находясь под влиянием марровского автохтонизма, вытекающего из его же псевдонаучной теории стадияльного развития языка.

В теснейшей связи с ошибочными представлениями о стадияльном развитии языка находятся заблуждения в вопросах происхождения народов, распространенные в советской археологической науке. Некоторые советские археологи, смешивая культуру с языком и исходя из марровского учения о стадияльности, полагали, что изменения в культуре означают перемены в этнической сущности носителей данной культуры, причем перемены эти рассматривали как результат внутреннего развития данного общества.

В соответствии с решающей ролью, которую Н. Я. Марр придавал в развитии языка процессам скрещивания, советские археологи уделяли этому моменту также очень большое внимание. Они рассматривали культурное скрещивание также как процесс, в результате которого возникает новое этническое образование с новой культурой и с новым языком.

И. В. Сталин полностью опроверг марровское понимание скрещивания. Он показал, что в результате скрещивания двух языков не получается и не может получиться третьего нового языка; в результате скрещивания может быть только ассимиляция одного языка другим языком с возможностью обогащения языка-победителя некоторыми элементами, заимствованными из побежденного языка.

В ответе товарищу А. Холопову И. В. Сталин отмечает, что его формула относительно скрещивания действительно только для периода до победы социализма в мировом масштабе, а в мировом социалистическом обществе будут действовать другие закономерности в отношениях между языками и формирование сначала зональных, а затем и мирового языка будет происходить не в порядке борьбы, а в порядке сотрудничества и свободного взаимного обогащения языков. Языки социалистического общества будут новыми языками в том смысле, что в них сольются при-

знаки различных языков, они не будут ни одним из ранее существовавших национальных языков в отдельности.

Естественно возникает вопрос — происходила ли ассимиляция языков в период первобытно-общинного строя, когда не было еще классов и классовой эксплуатации, не было национального и колониального гнета, не существовало государства, закрепившего национальную обособленность и взаимное недоверие наций? Происходило ли и тогда скрещивание языков в порядке борьбы за господство одного из языков или были условия для мирного и дружественного сотрудничества народов и для слияния их языков?

Это вопрос, требующий немедленной разработки.

Археология представляет немалое количество примеров скрещивания культур в результате смешения их носителей с последующей победой одной культуры над другой, но с определенным вкладом побежденной культуры в общее достояние.

Ошибки археологов заключались в том, что они нередко отождествляли культуру с языком и явления одного порядка распространяли на явления совершенно иного рода. Культура изменяется независимо от изменений языка в том смысле, что одно и то же общество с одним и тем же в основе языком проходит через ряд культурных состояний. Общность культуры еще не означает общности языка и, с другой стороны, родственные или даже единопозычные общества могут обладать разными культурами.

Однако этим нисколько не оправдывается пренебрежительное или даже отрицательное отношение некоторых историков к возможностям археологии в области изучения этнической истории. Археологическая культура вовсе не то же самое, что культура в обычном значении этого слова. Она обнимает явления разного порядка — и относящиеся к области производства, в частности орудия труда, и характеризующие бытовой уклад общества, и отражающие его экономику, и воплощающие его идеологические представления. Эти разнородные явления изменяются по-разному: одни легко исчезают и заменяются новыми, другие отличаются большей устойчивостью и подвергаются медленным изменениям. Все эти явления, к тому же, отличаются наличием некоторых специфических особенностей, которые являются выражением психического склада данного общества, выработанного в течение многих веков существования этого общества и являющегося устойчивым признаком этноса наряду с другими его признаками, такими, как язык.

Если язык единством своего развития связывает разные эпохи существования общества, то этнографические признаки, воплощающиеся в материальной культуре, точно также связывают разные периоды истории данного народа, представленных на разных этапах его развития различными, но преемственно соединяющимися культурами. Такая связь археологических культур открывает перед археологией замечательные возможности и ставит ее среди других исторических наук на первое место в деле исследования этнической истории. Можно быть уверенным, что, освободившись от ошибок и заблуждений, вызванных влиянием «учения» Н. Я. Марра, советская археология достигнет весьма положительных результатов и совместно с языкознанием, этнографией и антропологией расширит историю современных народов до самых ее истоков.

Предметом археологии, как и истории вообще, являются не мистические «стадии», а история культуры в ее исторической конкретности, реальные народы на всем протяжении их существования, начиная с древнейших времен. В истории языка И. В. Сталин различает ряд этапов:

« от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным» (стр. 12). Но это, вместе с тем, и этапы этнической истории. Общество, сложившееся из родов в виде особого племени со своим языком, со своими другими этнографическими признаками, в дальнейшем путем объединения с другими родственными племенами становится народностью, из народностей же вырастают нации. Это процесс, отнюдь не основывающийся на простом биологическом размножении. «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались» (стр. 27), происходили революционные перевороты, старые общественные строи сменялись новыми. Все это вносило большие изменения не только в язык и его развитие, но и в развитие других этнических признаков. В течение этого процесса одни этнические признаки исчезали, другие возникали вновь. Некоторые народы вовсе исчезали, будучи ассимилированы другими народами. Но оставшиеся сохраняли свою самобытность и преемственную связь с начальными формами своего существования.

Советские археологи допустили ряд серьезных ошибок. Труды И. В. Сталина, как яркий прожектор, осветили эти ошибки и показали всю их порочность и антимарксистскую сущность. В данной статье отмечены только некоторые из этих ошибок и заблуждений. За нами, советскими археологами, остается еще большая и серьезная работа по выявлению и критическому преодолению их и созданию новых научных трудов, основанных на гениальных указаниях И. В. Сталина. Это путь творческого марксизма, основанный на глубоком усвоении теории Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Тот факт, что наша наука оказалась под влиянием псевдомарксистской теории Н. Я. Марра, со всей очевидностью показал насколько далеки мы были от подлинного марксизма и как вместо овладения существом теории диалектического материализма довольствовались поверхностным, начетническим, цитатным применением некоторых марксистских положений. Только поэтому трескучая пропаганда марровского «учения», облеченного в революционную фразу, могла оказать свое тлетворное влияние на кадры советских археологов, только поэтому они некритически отнеслись к Н. Я. Марру и приняли его «учение» за подлинный марксизм.

Было еще одно обстоятельство, способствовавшее утверждению марровского учения в археологии. Это то, что И. В. Сталин метко назвал «аракчеевским режимом», который в условиях наших ведущих археологических учреждений выражался в культе Н. Я. Марра и в зажиме критики. Культ Н. Я. Марра создавался еще при его жизни и старательно поддерживался после смерти. Непомерно раздутый авторитет Н. Я. Марра не только как лингвиста, но и как археолога давил на сознание сотрудников ИИМК и распространялся далеко за пределы этого учреждения. В Институте не было свободной и открытой критики положений марровского учения. Критика в лучшем случае была молчаливой, ограничивающейся отказом от приложения теории Н. Я. Марра к исследованию археологических проблем, что, надо сказать, не избавляло молчаливого критика от нападков и обвинений в игнорировании наследия Н. Я. Марра и самым ощутительным образом сказывалось на оценке его работы.

Другой формой «критики» Н. Я. Марра был отбор отдельных положений марровской теории, представлявшихся отвечающими марксизму и приемлемыми, и замалчивание других, абсурдность которых была очевидной. Этого рода «критика» была самообманом и не приносила решительно никакой пользы, так как отвергнутые положения марровского «учения», такие, например, как «учение» о лингвистических элементах,

были органически связаны с другими положениями, являлись их основой и делали их столь же порочными по их сущности, как и эти отвергнутые положения. Этого рода «критика» — робкая и непоследовательная, сводившаяся к подкрашиванию «учения» Н. Я. Марра под марксизм, была особенно вредной для развития науки.

Выступление товарища И. В. Сталина по вопросам языкознания ликвидировало аракчеевский режим в научных учреждениях. Товарищ И. В. Сталин призвал ученых к творческому усвоению марксизма и показал непревзойденные образцы дальнейшего развития марксистской теории. Товарищ И. В. Сталин призвал нас к смелым дерзаниям в области науки, к свободной критике и к борьбе мнений. Научные дискуссии отныне стали основным методом коллективного научного творчества.

За время, истекшее со дня выхода трудов И. В. Сталина, советскими археологами проведена большая и серьезная работа не только по критическому преодолению заблуждений и ошибок, но и по исследованию ряда важнейших проблем истории культуры и вопросов происхождения народов СССР в соответствии с гениальными указаниями И. В. Сталина. На заседаниях Ученого совета и на пленумах ИИМК АН СССР ошибки археологов, связанные с антимарксистской теорией Н. Я. Марра, были подвергнуты суровой критике. На апрельском Прибалтийском пленуме ИИМК были заслушаны доклады, представляющие собой опыт приложения гениальных указаний И. В. Сталина к конкретным вопросам истории народов СССР. Для изданий ИИМК подготовлен ряд работ, свидетельствующих о коренном переломе, происшедшем среди археологов нашей страны в отношении к лженаучным теориям Н. Я. Марра и к связанным с ними историко-археологическим построениям.

В ИИМК'е проведена серьезная подготовка к участию в дискуссиях по периодизации истории первобытного общества и по методологии этногенетических исследований. Значительно укреплена сеть партийного просвещения. Усилена марксистско-ленинская подготовка научных кадров. Но все это по существу является лишь началом той большой теоретической и научно-организационной работы, к которой уже приступил научный коллектив ИИМК и которая позволит ему успешно преодолеть допущенные ошибки.

Овладение подлинно марксистской теорией и творческое применение ее к вопросам археологии является важнейшей задачей наших кадров. Энтузиазм, с которым советские ученые изучают труды классиков марксизма-ленинизма, гениальные труды И. В. Сталина, является залогом успешного разрешения этой задачи.

На основе развертывания серьезной, принципиальной, большевистской критики и самокритики, коллектив советских археологов, здоровый в своей основе, преданный делу партии Ленина — Сталина, вдохновляемый примером своего учителя и друга, гениального корифея науки, вождя народов И. В. Сталина, преодолет все свои ошибки и добьется небывалого расцвета советской археологической науки.
